

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

С.А. РОМАНЕНКО

**Казус Косово, европейский порядок
и постсоветское пространство**

Хотим мы того или не хотим, события на Кавказе в августе 2008 г. и их результат – признание Россией практически в одностороннем порядке независимости Абхазии и Южной Осетии на уровне массового сознания воспринимается как проявление "синдрома Косово": раз Запад проигнорировал наше мнение и признал независимость этой территории от Сербии, мы вправе поступать аналогичным образом. И хотя логика таких рассуждений представляется упрощенной, приходится признать, что ситуация вокруг упомянутой территории на Балканах трактуется как прецедент, переворачивающий европейский порядок, вносящий сумятицу в и без того нестабильное постсоветское пространство.

Первопричина складывания и существования подобного клише – отнюдь не только ангажированность ряда экспертов, с легкостью и без достаточных оснований переносящих специфическую категорию **судопроизводства** в англосаксонской юстиции – "прецедент" в **международное право**. К сожалению, имеется немало представителей российского научного сообщества, чья интерпретация косовского (и шире – югославского) кризиса по существу антиисторична и программирует общественное мнение нашей страны на восприятие исключительно однолинейных, шаблонных схем и бездоказательные дискуссии. Так, сторонники "конспирологического" взгляда на исторический процесс, сочетающегося с абсолютизацией геополитических концепций конца XIX–первой половины XX в., видят первопричину создавшейся конфликтной ситуации исключительно во внешнем вмешательстве. Они рассматривают сербский народ как единое в политическом отношении целое, как жертву "всемирного католического" и/или "мусульманского" заговора против православия, а сербское государство – как вечного имманентного союзника православной России, который "по-братски" должен следовать в фарватере ее внешней политики, чтобы обезопасить себя от происков враждебного окружения. В их глазах события в Косове – продолжение извечного конфликта Запада и Востока, еще одно проявление "холодной войны".

Другие исследователи полагают, что в основе конфликта лежат, конечно, сложные взаимоотношения двух народов, проживающих длительный исторический период на одной территории. Следовательно, рассматриваемая ситуация имеет не всемирный, а локальный, или, в крайнем случае, региональный характер, но была и остается тесно связанной с интересами крупнейших мировых держав и военно-политических союзов. Их лидеры часто имеют искаженное представление о сути ситуа-

ции, ложно трактуют собственные интересы и в результате делают ставку то на одну, то на другую сторону внутрибалканских конфликтов. Навязывание своим "младшим партнерам" искусственных этнотерриториальных границ, с одной стороны, вовлекает эти державы или организации в локальные конфликты, а с другой – дает балканским политикам возможность манипулировать своими "покровителями". В итоге те обычно получают ситуацию, обратную желаемой. В принципе такое описание политической, правовой, психологической и иной реальности не имеет ничего общего с теорией "заговора". Но утрирование внешней составляющей косовского кризиса уводит от понимания его сути, и на этой основе происходит плавный переход от научного анализа ситуации к схоластическим или политически ангажированным рассуждениям о прецедентности упомянутого случая (историографию косовской проблемы см. [Юго-Восточная... 2007]).

Цель данной статьи – выявить соотношение общего и специфического в казусе Косово с тем, чтобы понять, действительно ли он годится для роли прецедента в ситуациях с изменением статуса той или иной территории вопреки позиции и намерениям государства, частью которого она является.

Формат самоопределения Косово

Фактография кризиса в Косове и ситуации вокруг него в 1999–2008 гг. (от резолюции ООН № 12 444 до акта провозглашения независимости 17 февраля 2008 г.) хорошо известны: Балканы, особенно Югославия, у нас давно "на слуху". Тем не менее представляется целесообразным предварить исследование краткими комментариями относительно общего контекста, в котором происходили и происходят косовские события.

Во-первых, анализируя проблему данной территории, следует помнить, что это – лишь один из эпизодов коллапса югославского государства. В 1960–1980-е гг. косовская проблема была составной частью общего кризиса Социалистической Федеративной Республики Югославии, закончившегося ее распадом: в 1991–1995 гг. из состава СФРЮ вышли Словения, Хорватия, Македония, Босния и Герцеговина (БиГ). Затем произошло разделение "двухэтажной" Союзной Республики Югославии, состоявшей из Сербии и Черногории: последняя в 2006 г. провозгласила свою независимость.

Во-вторых, ситуация в Косове – это отражение негативных тенденций становления собственно сербской государственности, которые стали ярко проявляться в конце 1980-х гг. с приходом к власти С. Милошевича. Используя как повод обострение межэтнических отношений в автономном крае Косове, Милошевич сделал во внутренней политике ставку на этнический национализм. Такой курс, поддержанный большей частью сербского политического класса и общества, противопоставлялся стремлениям лидеров албанского национального движения добиться хотя бы повышения статуса Косово как этнотерриториального образования в составе СФРЮ [Романенко, 2002, с. 440–476].

В-третьих, необходимо взвешенно подходить к международному аспекту Косовской проблемы. Безусловно, события в крае стали катализатором нескольких международных кризисов – на уровне организаций (ООН и ОБСЕ, а также ЕС и НАТО), на уровне отношений России и совокупного Запада и т.п., то есть, в конечном счете, на уровне глобальной дипломатии и миротворческих практик, превращавшихся в попытки навязать решения межэтнических конфликтов извне. Однако парадокс развития ситуации в Косове и на постъюгославском пространстве состоит в том, что межэтническая конфликтность там обусловлена сугубо внутренними причинами: закономерностями исторического процесса национального самоопределения. Внешнее же воздействие – это, по существу, реактивная политика, которая обычно сводится к попыткам либо провести в регионе новые и, как представляется миротворцам, более "справедливые" границы, либо, наоборот, сохранять старые. Как правило, оба эти

способа ведут к новому витку внутренней конфликтности, но такова, увы, "механика" регулирования на Балканах межэтнических и межгосударственных отношений, явно не претерпевшая изменений после Берлинского конгресса 1878 г. [Романенко, 1996, с. 30].

В-четвертых, драматическая ситуация вокруг Косово – яркое проявление двух неизменных черт балканской политической культуры: а) политика в этом европейском субрегионе рассматривается преимущественно сквозь призму отягощенного недоброй исторической памятью этнического самосознания; б) каждое национальное движение стремится добиться полного совпадения границ расселения своего этноса (часто бесосновательно преувеличиваемых) с границами своего государства. Именно это воспринимается как обретение "справедливости" с исторической, социальной и национальной точек зрения [Романенко, 2006, с. 408–451].

Что касается конфессионального измерения сербско-албанского противостояния, то религиозное сознание – лишь один из элементов национального самосознания народов распавшейся Югославии, безусловно, сыгравший определенную, но вовсе не ключевую роль. Отождествление сербского национального самосознания исключительно с православием, а албанского, соответственно, с исламом не только исторически некорректно, но и ведет в политический тупик. Эти противоречия вызваны сложным комплексом социально-психологических и идейно-политических факторов, среди которых религия выступает как подчиненное начало. Конфликт в Косове – это межнациональный конфликт, а отнюдь не эпизод "всемирной борьбы ислама с православием" или пресловутого "конфликта цивилизаций" по С. Хантингтону.

В-пятых, несмотря на культурно-языковые и конфессиональные различия конфликтующих друг с другом сербов и косовских албанцев, их этносоциальным организациям присуща типологическая и региональная однотипность и обусловленные этим проблемы – запаздывающая модернизация, трудности переходного периода, техническая отсталость, заинтересованность в иностранных инвестициях и займах, внедрение новой правовой системы, безработица, коррупция и т.д. Они представляют собой два однотипных постсоциалистических социума, перед которыми стоят задачи ускоренной модернизации, совпавшие по времени с переходом от распределительной экономики к рыночной, от авторитарного общества к демократическому.

Неудивительно, что в столь неблагоприятном общеполитическом и этнокультурном контексте территориальные аспекты проблемы национального самоопределения косовских албанцев и сербов (как жителей собственно Сербии, так и бывшего автономного края Косово) приобрели выраженный конфронтационный характер. Оба народа длительный исторический период, хотя большей частью обособленно друг от друга, проживали на одной территории, и постепенно между ними сложились конфликтные взаимоотношения. Причем межэтнические трения происходили и происходят в условиях отсутствия или незрелости гражданского общества, что само по себе выступает как один из важных конфликтогенных факторов.

В результате кризис в Косове стал очередным подтверждением общегославского феномена. На фоне полного краха прежней интернационалистской идеологии и распада государства, социальной маргинализации, отсутствия гражданского общества и традиций согласования интересов в массовом сознании произошло отождествление понятия "национальность" (этничность. – С.Р.) с понятиями "нация" и "государство". Неизбежное следствие такой подвижки – увязывание имущественных, политических, социальных и прочих прав исключительно с принадлежностью индивида к этнической общности, которая, будучи субъектом всех видов права, только и может их гарантировать. Словом, вместо примата *прав отдельного человека* по-прежнему доминирует примат *прав коллективов, общностей* – на этот раз не социальных, а этнических. В подобной ситуации в социуме неизбежно и перманентно возникают конфликты, сменяемые или, наоборот, сопровождаемые anomie, общей криминализацией и т.д.

Войны на постюгославском пространстве, в том числе и в Косове, – это войны гражданские и, одновременно, войны, спровоцированные отсутствием гражданского общества, сопровождающие процесс его становления. И когда речь заходит о методах и формах определения статуса данной территории, надо думать не только о конфигурации границ, но и о сути конфликта, о том, как его если не решить, то смягчить. Причем обязательно следует отдавать отчет в том, что нет монолитных Сербии и, соответственно, Косово "вообще". И среди сербов Сербии и Косово, и среди косовских албанцев есть люди разных политических взглядов, которые по-разному смотрят на будущее края (это показали итоги президентских, парламентских и местных выборов). "Сербия" Б. Тадича – одна, а "Сербия" П. Николича – совершенно иная. Аналогичным образом "Косово" Х. Тачи – это не то "Косово", которое хотел видеть И. Ругова.

Абсолютно закономерно и то, что начавшееся в 1999 г. на сомнительных правовых принципах военное вмешательство Североатлантического альянса в косовский кризис хотя и остановило **войну** внутри Сербии, но не погасило **межэтнический конфликт**, ведущий к ее распаду: он лишь приобрел иные импульсы и динамику. Равным образом интервенция НАТО не способствовала осуществлению в полном объеме ни идеи полиэтнического общества, ни появлению подлинно демократической системы власти, ни созданию эффективного экономического порядка, которые обеспечивали бы равноправие всех граждан вне зависимости от национальной и профессиональной принадлежности.

Внедрение под нажимом извне демократических процедур не сделало их инструментами новой политической правовой, консенсусной культуры на полиэтнической гражданской основе: они лишь стали оболочкой межэтнического конфликта. Связано это не в последнюю очередь с тем, что оба общества – сербское и косовско-албанское – по социальной сути, традициям межэтнических отношений, правовой культуре и стадии развития отличаются от стран Западной Европы, не говоря уже о США. Поэтому зачастую предлагаемые и реализуемые международными организациями мероприятия вели и ведут к результатам, противоположным ожидаемым. И ситуация вместо того, чтобы измениться принципиально, лишь развернулась на 180°. Преследование и вытеснение албанского населения сменилось вытеснением населения сербского в соответствии с тем же принципом: "один этнос – одна конфессия – одна территория – одно государство".

Концептуальная ошибка западного сообщества состояла в том, что опорой в борьбе против "плохих" сербского национализма и авторитаризма оно сделало "хорошие" албанско-косовский национализм и авторитаризм. В результате в очередной раз произошло столкновение двух авторитарных политических культур и практик: иных не было ни у сербов, ни у косовских албанцев, а также двух версий терроризма – государственного (сербского) и антигосударственного (албанского). И хотя и Сербия, и Косово под давлением Запада в какой-то степени вступили в трудный и противоречивый этап преодоления авторитаризма, "внешний арбитр", принял, по сути дела, сторону одного из участников противостояния. Так, в 1999 г. последовало удаление из Косово только сербских вооруженных сил и разоружение сербской стороны. К вооруженным формированиям косовских албанцев идентичных мер предпринято не было. Естественно, на их основе после самопровозглашения независимости начали формироваться силовые структуры Косово, превращающиеся в инструмент потенциального давления на косовских сербов (подробнее см. [Улунян, Кулешов, 2007; Романенко, Маркедонов, 2008, с. 71–82]).

Таким образом, если говорить о сущностных элементах кризиса в Косове, то необходимо подчеркнуть следующее. Это – не просто запутанный и запущенный, а многоуровневый конфликт и между центром и регионом, и между двумя национальными движениями, и, наконец, между государством и этносом в процессе национального самоопределения последнего, понимаемого и воспринимаемого как создание моноэтнической государственности.

Проблемы целостности полиэтнического пространства

Итак, кризисная ситуация вокруг статуса Косово напрямую связана с тем, как участники противостояния – сербская и албанская сторона воспринимают идею современного демократического многонационального государства. Этническая гетерогенность – реальность Сербии, на территории которой, помимо албанцев-косоваров, проживают представители иных этнических меньшинств – венгры, словаки, румыны, цыгане, хорваты, македонцы, словенцы, босняки-мусульмане, болгары, русины, украинцы, турки и др. [Мартынова, 1998, с. 280–288]. И перед Белградом стояла и стоит нелегкая дилемма, с которой рано или поздно сталкивается каждое полиэтническое государство: как сохранить свою целостность – методами централизации, унификации и силового подавления или же предоставлением максимальной, в том числе и национальной, свободы.

В аналогичном положении находятся и власти полиэтнического Косово¹. Если до самопровозглашения независимости проблема устройства "своего" края рассматривалась местным албанским сообществом, в основном, с точки зрения его будущего статуса (сперва – повышение уровня самоуправления в составе сербского государства: широкая автономия, федерация, конфедерация; затем – обретение, в том числе методами вооруженной борьбы, полной независимости и отделение от Сербии), то независимое государство, претендующее на место в Евросоюзе, не может не определиться с политикой в отношении населяющих его меньшинств.

К сожалению, нынешняя позиция сербской и албанской сторон касательно полиэтничности не вызывает оптимизма. И дело тут не только в том, что в силу исторических обстоятельств обе они до 1999 г. тяготели к насильственным практикам, проявлявшимся в двух видах террора – государственного сербского и антигосударственного албанского (как со стороны национального движения края, так и его протогосударственных структур). И даже не в том, что вмешательство НАТО остановило только первый из них. Суть проблемы – в поверхностности процесса вовлечения Балканских стран и национальных движений в общеевропейское политико-правовое пространство. На внешнеполитическом уровне ныне прослеживается их стремление превратиться из объектов международных отношений в равноправных субъектов. Политика Сербии, как и остальных Балканских государств, принципиально изменилась: она не может и не хочет больше быть ни "мостом" между "Востоком (Россией) и Западом", ни ареной борьбы между ними, но членом западного сообщества. Это отразилось во внешнеполитических сербских доктринах. С поправкой на конкретные реалии о типологически схожих тенденциях можно говорить и применительно к Косову.

Однако на внутривнутриполитическом уровне подобной подвижки не произошло. Когда речь идет о двустороннем взаимодействии, сказывается неспособность как сербского, так и косовско-албанского современного политического класса отрешиться от бескомпромиссной политики 1980-х–начала 2000-х гг. Поэтому на пути разрешения ситуации в Косове – смягчения межэтнических противоречий и установления стабильности в регионе – продолжает оставаться множество препятствий. Ведь обе стороны воспринимают край как исключительно "свою" территорию без иноэтнического населения. В нынешнем дискурсе национальной идеологии и психологии основной частью сербского общества отделение Косово воспринималось и воспринимается как национальная трагедия, а для подавляющего большинства албанского общества таковой является не-отделение. Ни одна из сторон не воспринимает спорную терри-

¹ Особенность положения этой территории в том, что албанцы, составлявшие национальное меньшинство в Сербии, в Косове – абсолютное большинство. Однако в крае, помимо сербов, проживают и цыгане, босняки, турки и др. (в совокупности примерно 3–5% населения), среди которых также идут процессы национального самоопределения.

торию как **полиэтничную**, и то же самое происходит относительно государственности [Srpska... 1996, s. 201–266].

Вследствие этого продолжает действовать "традиционный" деструктивный фактор – этническое насилие, которое проявляется и на уровне практики (дискриминация, латентные этнические чистки – "выдавливание чужаков" и пр.), и на уровне ментальности (культивирование негативных стереотипов, апеллирование к исторической памяти). Воспоминания о насилии и преступлениях (как индивидуальных, так и массовых, зачастую не расследованных и не наказанных) – элемент национального самосознания обеих общностей и, следовательно, элемент политики. В этом сходятся практически все исследователи [Косово, 1999, с. 82–85; Романенко, 2005, с. 285–340; Hadri, 1973; Imami, 2000; Коматина, 1995^a, с. 15–19; 1995^b, с. 9–35, 143–165; Nogvat, 1989, s. 68–79; Malkolm, 1998, p. 289–333]. У сербского и албанского национальных движений пока отсутствует правовая, консенсусная и демократическая культура, и это не столько их вина, сколько беда.

Данные обстоятельства консервируют в массовом сознании тождество категорий "**общественное** движение" и "самосознание" и "**этнонациональное** движение" и "самосознание". А это – первооснова функционирования независимых, самоизолировавшихся друг от друга, почти не способных к диалогу политических систем и государственных (протогосударственных) институтов, структурированных по критерию этнической идентификации. Албанское население Косово и власти Приштины привыкли бойкотировать любые формы политического волеизъявления, организованные сербскими властями, а сербское население собственно Сербии и Косово, а также официальный Белград игнорируют подобные же мероприятия косовско-албанской стороны. Последний наиболее яркий пример – референдум 2006 г. по новой конституции Сербии: Косово провозглашено в ней неотъемлемой частью ее территории без учета мнения проживающего там албанского населения. По тому же принципу в 2007 г. прошли парламентские выборы в Косове, а далее в 2008 г. – президентские, парламентские и муниципальные выборы в Сербии. Не приняв участие в выборах в Косове и не признав факт самопровозглашения его независимости 17 февраля 2008 г., сербские политики этой области (не без поддержки части официального Белграда) провозгласили создание собственных органов власти, не подчиняющихся Приштине, которые, в свою очередь, не были признаны ни ею, ни международным сообществом.

И сербские, и косовско-албанские лидеры, как и ранее, находятся под давлением общественного мнения своих народов, что не позволяет им пойти навстречу друг другу. Политические классы поставлены в такие условия, когда уступка – реальная или мнимая – означает политическую смерть. К сожалению, многие политики с обеих сторон не только не пытаются выйти из этой ситуации, но и продолжают играть на этнонационалистической идеологии и психологии, надеясь таким способом заработать поддержку избирателей. Словом, с обеих сторон мы видим кризис и политического сознания – идеологии, психологии, и политической культуры. Ни одна из сторон не избавилась от конфликтной и антидемократической традиции недавнего прошлого. До сих пор не только не были принесены взаимные извинения, но никто из участников противостояния об этом даже не заговаривал.

Что же касается роли внешнего фактора, то однозначная поддержка извне идеи независимости и фактически моноэтничной государственности Косово (тем более самопровозглашенной) – это потворство национальному радикализму албанской части его населения. Однако и аналогичная поддержка целостности Сербии также стимулирует национальный радикализм ее титульного этноса. Признание сербского доминирования в сложившихся условиях означает признание этнического насилия в качестве государствообразующего элемента, то есть победу "линии" Милошевича. Косовскую трагедию не решить перечерчиванием или удержанием границ. Скорее наоборот, это породит новые противоречия и этнотерриториальные притязания.

В этой связи возникает вопрос о том, можно ли вообще было сохранить целостность Сербии. В международном дипломатическом и научно-аналитическом сообществе различные варианты урегулирования данной проблемы дебатировались уже давно, но так как эти сюжеты были подробно проанализированы [Улунян, Кулешов, 2007], ограничусь констатацией следующего факта. Поставив целью сохранить Косово в составе Сербии, официальный Белград и сербское общественное мнение для начала должны были определиться по двум позициям: а) возможно ли заставить албанцев отказаться от *de facto* обретенной ими после 1999 г. государственности; б) в состоянии и каким путем Сербия могла бы обеспечить свою власть и контроль над Косово?

На оба эти вызова своей целостности сербское общество не сумело выработать положительные, отвечающие реальности ответы. Ведь если все же теоретически предположить возможность существования Сербии как полиэтничного государства, в котором албанцы были бы вторым по численности народом, вдобавок составляющим большинство на территории Косово, то первым шагом к примирению должно было бы стать взаимное признание вины перед другой стороной и взаимные извинения лидеров и государственных деятелей. Обеим сторонам также стоило бы официально согласиться с тем, что и Косово – многонациональная территория, все без исключения жители которой обладают равными правами и возможностями.

В практическом плане сохранение связи Косово с Сербией в той или иной форме означало бы прекращение взаимного политического бойкота и формирование общей – полиэтничной – партийно-политической системы и структуры государственного управления. Следующий шаг – предоставление равных электоральных прав (активных и пассивных) всем гражданам Сербии и Косово безотносительно их этноконфессиональной принадлежности, автоматически подразумевающее возможность занятия албанцами высших должностей в органах законодательной, исполнительной и судебной власти в Белграде и *vice versa* сербами в Приштине (например, вице-президент, вице-премьер, вице-спикер, министры, руководители парламентских комитетов и пр.). В парламентах (а то, что Косово должно стать автономным образованием, не подлежит никакому сомнению) национальным фракциям (соответственно, албанской в Белграде и сербской – в Приштине) независимо от численности требовалось предоставить реальные, вплоть до *veto*, права и определить соответствующие механизмы разрешения спорных ситуаций. Такой подход мог бы стать реальным катализатором процесса преодоления национальных противоречий и становления демократической и консенсусной политической культуры. Однако это предполагает принципиально иной, ныне отсутствующий уровень доверия, которого никогда не было и, скорее всего, не предвидится. Ни сербское, ни косовско-албанское общество к такому варианту не были готовы раньше, как не готовы и сейчас².

Политикам в Белграде следовало бы также отказаться от манипулирования сербским меньшинством в Косове. Надо всерьез, а не для победы на выборах заняться и судьбой находящихся на территории Сербии "своих" беженцев. Но эта проблема, равно как и проблема сербских исторических памятников на территории Косово, – ныне, увы, предмет политических спекуляций для манипулирования избирателями.

² Впрочем, даже в гипотетическом варианте описанная модель – не панацея, ибо ее применение означает (по крайней мере, на определенный переходный период) замену или дополнение базового принципа западноевропейской и американской демократий: "один человек – один голос" принципом паритета этнических общностей, при котором этот "голос" как бы отходит к этносу. В подобном случае возникнут, как минимум, две проблемы. Во-первых, особых, коллективных прав потребуют и другие этносы, проживающие как в собственно Сербии, так и в Косове. Во-вторых, по мере социально-политического структурирования этнических общностей внутри них будут возникать расхождения. Постепенно этот процесс приведет к созданию сначала коалиций партий различных этносов на основе идеологии, а не этнического происхождения, а затем, возможно, даже к формированию полиэтничных политических объединений. Подобную тенденцию можно было бы рассматривать как позитивную, но она, как показывает опыт БиГ, обрушивается с таким трудом достигнутый на основе паритета межэтнический консенсус.

Наконец, властям Сербии (как и Косово) надо заняться социально-экономическими и правовыми проблемами, которые ждут своего решения с конца 1980-х гг., но ничего подобного пока не происходит.

Вместо этого, как будто признавая по умолчанию неизбежность независимости Косово, неважно – международно-согласованной или же самопровозглашенной, сербские политики-националисты выдвигают разнообразные фантастические альтернативные схемы. Самая популярная – идея о так называемой "компенсации": выходе Республики Сербской (РС) из состава БиГ, присоединении ее к Сербии через референдум (вариант – выплата Белграду финансовой компенсации за утрату части территории)³. Сама постановка вопроса о "компенсации" дискредитирует один из основополагающих тезисов сербской радикальной национальной идеологии – о Косове как о "колыбели" сербского народа⁴. Ибо возникает естественный вопрос: возможно ли вообще компенсировать утрату столь значимой для нации инсигнии? Фактически предложение о "компенсации", неважно, в какой форме, показывает, что в случае Косово сербский политический класс попросту маскирует обыкновенные территориальные притязания на основе естественного права.

Осуществление подобных планов, которые, скорее всего, неуместно рассматривать всерьез, могло бы нанести непоправимый ущерб и международному праву, и всей системе международных и межгосударственных отношений в Европе. Вряд ли допустима ситуация, когда одному государству (Сербии) утрату части территории (Косово) компенсируют предоставлением территории другого государства – члена ООН (БиГ). Поэтому такие проекты – прямой путь к возобновлению с таким трудом притушенного этнотерриториального конфликта, которому, в случае новой вспышки, конца не будет видно⁵. Ведь именно политика "компенсаций", проводившаяся "великими державами" в XIX–начале XX в., не в последнюю очередь заложила основы современных конфликтов. Да и не в недостатке территории кроется причина нестабильности сербской государственности. Наоборот, притязания на другие земли, получившие максималистское развитие во времена режима Милошевича, завели Сербию в политический, экономический и нравственный тупик, выход из которого не проглядывается донныне.

Еще один "альтернативный вариант" решения коллизии – реанимация отвергнутой еще в 1999 г. обеими конфликтующими сторонами и международным сообществом идеи раздела Косово по этнотерриториальному признаку. Этот план также нереалистичен и не ведет к стабильности в регионе, ставя в перспективе под вопрос существование самой сербской государственности и территориальной целостности. И дело здесь не только в том, что отделения от Сербии наверняка потребуют ее об-

³ Исходя из однородного этнического состава населения РС, судьба такого референдума предreshена. Иной вопрос – его перспективы. Это было бы крайне опасно, учитывая неизбежную общую дестабилизацию границ на постюгославском пространстве. Ведь следующим шагом неизбежно стало бы присоединение областей БиГ, населенных хорватами, к Хорватии. Вряд ли с этим согласятся и разрозненные мусульманские области, так что вероятность нового вооруженного конфликта станет весьма высокой. Причем боснийско-мусульманское национальное движение неизбежно будет искать союзников вовне, что создаст возможность усиления в этих областях позиций государств и группировок, исповедующих идеологию радикального исламизма.

⁴ Так выразился Милошевич в речи на Косовом поле 28 июня 1989 г., по случаю 600-летия Косовской битвы между балканскими феодалами и османами, в которой, к слову сказать, сербы и албанцы сражались на одной стороне.

⁵ Мы часто и с сожалением говорим о падении влияния России в Балканском регионе. Но в случае выдвижения или даже поддержки подобных планов отдельных сербских политиков Москва рискует снискать в глазах и самих сербов, и соседних с ними народов репутацию подстрекателя нового конфликта. Это нанесло бы ей непоправимый урон даже в глазах тех, кто полагают, что сильная Сербия – это Сербия, обладающая максимально возможной территорией, а не страна с развитым гражданским обществом, эффективными институтами государственной власти и сильной социальной политикой.

ласти на юге – Медведжа и Буяново, где албанцы составляют большинство населения. В стране существуют и другие регионы, этнический состав которых в теории позволяет ставить вопрос об их статусе и территориальной конфигурации, – Санджак (53% населения этого анклава мусульмане-босняки, остальные – сербы, черногорцы, албанцы) и Воеводина (сербы – 65%, венгры — 14%, словаки, хорваты, черногорцы, румыны, цыгане, русины, македонцы и др. – 21%).

Впрочем, в данном контексте гораздо интереснее то обстоятельство, что сторонники раздела Косово ссылаются на пример Кипра (кстати, сама по себе такая апелляция полностью опровергает тезис о "прецедентности" косовской ситуации), но эта аналогия не представляется убедительной. Раздел Кипра был осуществлен в результате турецкой военной интервенции, и, во-первых, так называемая Турецкая Республика Северного Кипра никем, кроме Турции, не признана, а во-вторых, расчленение острова и государства не только не устранило, но даже не способствовало смягчению межэтнической напряженности.

Суммируя сказанное, приходится констатировать, что в силу сложившихся объективных и субъективных причин отделение Косово от Сербии становилось практически безальтернативным. Иное дело, что на данном этапе самопровозглашение независимости края без достижения юридически оформленной политической договоренности между Белградом и Приштиной, скорее всего, станет эпизодом поиска какого-то иного, долгосрочного варианта разблокирования сербско-албанского конфликта.

Прецедент или особый случай?

Самопровозглашение независимости Косово стало наименее приемлемым, конфликтогенным фактором, воздействующим на развитие не только сербско-албанского двустороннего взаимодействия, но и международной ситуации в целом, включая усиление напряженности в отношениях России с США и ЕС. Проблема здесь в том, что дестабилизирующие мировой и европейский порядок очаги этнического, конфессионального или регионального сепаратизма теоретически могут быть соотносимы с казусом Косово. Поэтому крайне важно проанализировать "глобальный" аспект косовских событий, а говоря точнее, постараться ответить на два принципиальных вопроса:

- действительно ли данный случай – "прецедент", то есть модель, пригодная к использованию в аналогичных ситуациях;

- повлияют ли упомянутые события на развитие процессов национального самоопределения в других странах.

На мой взгляд, болезненной и трагической проблеме воздействия казуса Косово на сложившийся международный и европейский порядок зачастую придают преувеличенное значение. Если мы беспристрастно посмотрим на хронологию и географию этнополитических конфликтов Европы, то увидим, что каждый из них имел/имеет свои причины, условия возникновения, динамику развития и формы разрешения. Так что обобщения тут должны быть очень осторожными (тем более, очень часто те, кто "обобщают" по незнанию или вследствие ангажированности, пренебрегают спецификой конкретной ситуации в сравниваемых конфликтах).

Теоретически этнические конфликты можно сопоставлять. Можно, наверное, с позиций упрощенно понимаемой геополитики даже выстраивать некую цепь конфликтов, абстрактно объединяемых понятием "дуга нестабильности". Но осмысливая данные истории, этнологии, конфликтологии, теории международного права и других наук, нельзя забывать, что все этнополитические коллизии имеют свою природу и развиваются в особых условиях. Поэтому попытки привести их к "одному знаменателю" чреваты ошибками и в оценке ситуации, и в мерах по их ограничению, ослаблению и решению. Можно принять любые резолюции на любом уровне о прецедентности косовского или любого иного конфликта. Но в реальности каждый из них будет решен своим путем и в своих собственных формах.

В принципе история как таковая и история этническая никогда и нигде не знают повторений и тождеств. Очевидно, что природа и причины конфликтов в Абхазии и Южной Осетии, в Боснии и Герцеговине, в Македонии, в Басконии, в Шотландии, в Ольстере, в Бельгии различны. Обсуждаемые сейчас проблемы, например, изменения статуса Шотландии, возможного распада Бельгии или будущего Приднестровья, явно не имеют к косовскому вопросу никакого отношения. И если в Великобритании, Бельгии или Молдавии и других европейских странах произойдут политико-правовые и/или территориальные изменения, то очевидно, причина их будет корениться вовсе не в одностороннем провозглашении независимости Косово.

Равным образом вызывает сомнение ставшее популярным проецирование данного казуса на постсоветское пространство. Проводя подобные аналогии, надо сперва выяснить, по каким параметрам регион Юго-Восточной Европы сопоставим с Восточной Европой, а ситуация в бывшем СССР – с ситуацией в бывшей Югославии, – словом, определить насколько эффективно такое сопоставление с точки зрения научной аналитики, а не политической пропаганды. Сравнения или, лучше сказать, прямолинейные отождествления балканских проблем с нашими, присутствующими в отечественных СМИ, публицистике и даже научной полемике, далеко не всегда бесспорны и корректны. Чего стоит сопоставление с Косово и Южной Осетии, и Абхазии, и Приднестровья, конфликты в которых имеют весьма значительные отличия друг от друга.

Возвращаясь к ситуации в Европе, хочу подчеркнуть: если и попытаться осмыслить все конфликты подобного рода, то уместнее апеллировать не к одному косовскому "прецеденту", который якобы "разорвет" весь континент, а исследовать положение дел в регионе в целом с точки зрения взаимоотношения "этнос–государство–общество". В этой связи, по-видимому, надо говорить о новом этапе развития государственности, новой фазе процесса национального самоопределения, который не вчера начался и не завтра закончится⁶. И абсолютизация концепции прецедентности казуса Косово малопродуктивна и юридически, и исторически, и политически.

Естественно, рассматривая с чисто правовой, в данном случае абстрактной, точки зрения проблему автономии и самоопределения вообще, можно, наверное, видеть в каждом всплеске этнической конфликтности пример для других. Однако анализ исторических, этнологических, да и политических реалий решительно восстает против этого. Каждый из упомянутых выше и других конфликтов имеет свои причины, форму, логику, темпы развития и внешнеполитические условия. Поэтому разрешение любой из таких исторически обусловленных конфликтных ситуаций будет иметь свой неповторимый облик, даже если все страны дружно проголосуют в ООН за какой-то типовой подход к нему. Такова логика истории. Формально-юридическое признание прецедентности одного из этих случаев не поможет разрешению конфликтов, не позволит разнообразные историко-этно-политические условия "подогнать" под одну упрощенную универсальную схему.

Невозможно требовать "отказа" от национального самоопределения – одного из основополагающих, объективно существующих историко-правовых феноменов. Такой подход тождествен попытке "запрета" исторического развития как такового. И не важно, кто выступает с подобными идеями – националисты-державники, стремящиеся сохранить (или восстановить) империю, или же либералы, отрицающие этнический национализм в принципе. Смена политических режимов и **изменение государственных границ** – одна из ипостасей исторического процесса. Так было и так будет. Границы государств в ходе истории будут изменяться: возможно, какие-то

⁶ Образование той же Югославии в 1918 г. стало результатом именно распада Австро-Венгрии, в котором не последнюю роль сыграли как процесс роста этнического самосознания входивших в нее народов (в том числе и сербов), так и этнотерриториальные притязания королевства Сербии под лозунгом "освобождения братьев".

крупные страны, в особенности многонациональные, могут распадаться, что, впрочем, не исключает вероятности возникновения новых государств данного типа. Учитывая трагический опыт XIX–XX вв., надо осознавать свою ответственность и стремиться к тому, чтобы эти процессы протекали исключительно мирно. И в случае возникновения проблемы этнической конфликтности в той или иной стране одинаковые требования должны быть предъявлены и национальным движениям, и центральным властям, которые тоже должны доказывать свою готовность и способность воспринять консенсусную правовую политическую культуру.

Что же касается "прецедентности" Косово применительно к российскому контексту, то, в первую очередь, учет опыта Косово для нашей страны должен состоять в том, чтобы Россия не копировала "достижения" Сербии периода президентства Милошевича. "Косовский вопрос" не должен ни в коем случае становиться предметом и орудием риторики политических спекуляций, когда под видом информации распространяются идеология и психология межнациональной вражды, которые – независимо от субъективного желания ее инициаторов и носителей – представляют собой реальную угрозу существованию России как единого государства, то есть ее национальной безопасности.

На мой взгляд, очевидно, что определенным образом сориентированное воздействие внешнеполитической информации на эмоции общества может привести к обострению межнациональных отношений в полиэтнической и поликонфессиональной России. Вряд ли кто-либо из ответственных российских политиков в этом заинтересован. Напротив, они не должны манипулировать идеологизированными мифологемами и играть на этноконфессиональных предрассудках и стереотипах массового сознания. Их задача и профессиональная обязанность совершенно иная – искать ответ на самый важный вопрос: что положительного принесет России тот или иной вариант решения косовской проблемы или, наоборот, когда и в чем нашей стране может быть нанесен ущерб?

Увы, четкого и ясного ответа на него пока слышать не доводилось. Вместо этого приходится сталкиваться с упрощенным "черно-белым" подходом: одни страны и народы – "наши", "хорошие", а другие – "не наши", "плохие". Посредством таких методов, опирающихся на мифы, предрассудки и поверхностные аналогии, реалистическую и сильную внешнюю политику выстроить невозможно. Следуя этим путем, Россия не сможет ни отстоять свои позиции, ни способствовать решению конфликтных ситуаций. Главный интерес России на Балканах, на Южном Кавказе, везде – мир и стабильность, а не "управляемые конфликты", в которых продолжают гибнуть люди и которые чаще всего выходят из-под контроля. Делить регионы на сферы влияния, возрождать противостояние времен "холодной войны" уже невозможно.

Ижила себя и нереалистичная, непродуктивная дилемма: "либо Россия, либо Запад", которую отечественный политический класс пытается предложить бывшим социалистическим и постсоветским странам. Тем более, ответ на этот вопрос уже получен. Поэтому Россия не должна тешить себя иллюзиями и пытаться использовать ситуацию на Балканах, на постъюгославском пространстве для внутривнутриполитических спекуляций, которые, не способствуя разрешению ситуации в регионе, могут привести к негативным и опасным последствиям для самой России.

Итак, если и говорить о косовском "прецеденте", то, по-видимому, лишь в том смысле, что он стал восприниматься как некий символ сепаратизма, а не как проявление идущего в разных странах Европы процесса национального самоопределения народов, которые либо не обладают своей государственностью, либо их национальное сознание стало считать ее уровень и форму недостаточной. Но символ сам по себе не фатален. Вспомним, что и чехи, и словаки, и южные славяне Австро-Венгрии отнюдь не сразу пришли к идее выхода из монархии и созданию собственных национальных независимых государств. Это стало результатом и развития этносов, и кризиса монархии, и наконец, ситуации, сложившейся в конце Первой мировой войны.

Точно так же обстоит дело и с угрозой "косовизации" всему остальному миру или, как минимум, постсоветскому и российскому политическому пространству. Как мне представляется, невозможно с научной и контрпродуктивно с практической точек зрения сводить все многообразие этнополитических конфликтов к ситуации, сложившейся на одной небольшой территории на юго-востоке Европы. Разговоры как о "прецедентности" случая Косово, так и его "уникальности" в значительной мере носят риторический характер, исходя из крайне упрощенного понимания современных этнополитических процессов. Сторонники обоих подходов лишь возводят каждый по-своему в абсолют данную конкретную исторически сложившуюся, ограниченную пространственно и хронологически, ситуацию. И "демонизировать" Балканы, считать исключительно этот регион средоточием всех мировых противоречий и негативным примером для всей Европы было бы неверно.

Выбор Косово среди многих аналогичных конфликтов последних 20 лет в качестве "антипримера" (если не двигателя, то катализатора существующих или новых этнополитических конфликтов) – искусственная подгонка многомерной реальности под локальную, обусловленную спецификой обстоятельств и не очень удачную модель разблокирования политического тупика. Почему в таком случае нельзя, например, говорить о "прецеденте" применительно к "бархатному разводу" Чехии и Словакии, соглашению по Северной Ирландии, мирному распаду СССР и, наконец, разъединению Сербии и Черногории? Все этнополитические конфликты имеют сходную **природу**, но разные **причины**, поэтому неверно считать влияние Косово решающим для других регионов и стран.

Правда (и мы уже стали тому свидетелями на Южном Кавказе) понятие "косовизация" в политической практике может означать "инструментальное использование косовского прецедента в борьбе за этнополитическое самоопределение" (формулировка С. Маркедонова) и в противоборстве геополитических интересов "великих держав". В этом плане однозначная поддержка идеи независимости, а фактически моноэтнической государственности в Косове, особенно самопровозглашенной (равно как и целостности Сербии), означает в действительности подпитку национально-радикальных течений **обеих сторон**. В то время как требуется поддержка умеренных, склонных к нахождению взаимопонимания группировок, что и было провозглашено при создании "тройки" – Россия, ЕС, США.

Учитывая печальный опыт XX в., дезинтеграция страны должна признаваться невозможной, если она чревата опасностью военного конфликта. Трагический парадокс проблемы Косово состоит в том, что и сохранение его в составе Сербии, и одностороннее провозглашение независимости – акты этнического насилия. Не только насильственное отделение, но и насильственное сохранение народа (вдобавок составляющего большинство на определенной территории) в границах многонационального, но тяготеющего *de facto* к этнократии государства, одинаково ведет к самовоспроизводящемуся в последующих поколениях военному конфликту, к террористическим атакам, подвергающим риску жизнь мирного населения. В этом плане и национально-освободительное движение территорий, и власти существующих государств, стремящиеся сохранить их целостность, должны помнить об одинаковой ответственности за сопутствующие их действиям национальное угнетение и антидемократизм.

* * *

Формально нынешний акт драмы в Косове был завершен на заседании Совета Безопасности ООН, где все стороны, оставшись при своем мнении, по умолчанию признали сложившееся на данный момент *status quo*. Но косовский казус в целом еще далек от решения. И самопровозглашенная независимость, и удержание края в составе Сербии в равной степени способны привести к обострению обстановки. При урегулировании вопроса о статусе этой территории нужно оставить риторические

споры о "прецеденте", а исходить из того, что перед нами острый, исторически обусловленный многоуровневый кризис отношений между двумя народами. Для его реального разрешения не следует становиться ни на сторону сербов, ни на сторону албанцев Косово, не поддерживать ни Белград, ни Приштину. Следовательно, нельзя выступать *a priori* ни за независимость, ни против нее. Главная задача политиков, дипломатов, аналитиков – найти методы смягчения противоречий и нормализации отношений между двумя этносами и механизмы разблокирования внутривосточного кризиса, имеющего и внешнеполитическую составляющую. Это поможет избежать превращения Косово в постоянный конфликтотгенный фактор регионально-го, общеевропейского и глобального масштаба.

И не следует уповать на то, что проблема Косово и всех Западных Балкан, включая Сербию, сама собой "рассосется" в ходе интеграции этого региона в ЕС, которое рано или поздно произойдет. Тогда национальные границы и этническое самосознание (в том числе и историческая память) якобы не будут иметь никакого значения, а НАТО гарантирует неизменность сложившихся, но не отмененных границ. Это может оказаться иллюзией. Во-первых, даже между государствами – "старыми" членами ЕС существуют этнотерриториальные проблемы, обусловленные болезненным отношением к прошлому. Во-вторых, не надо абсолютизировать и идеализировать Евросоюз ни как организацию, ни как новую формирующуюся общность, развитие которой идет отнюдь не гладко и бесконфликтно. Иное дело – может ли ЕС и вообще мировое сообщество предложить какие-то новые процедуры мирного разрешения этнотерриториальных конфликтов, примирения национальных историй, национального сознания, и с какой быстротой и глубиной проникнутся те же Сербия и Косово западноевропейскими принципами и ценностями?

Выработка некоего общего, восходящего к медицинскому принципу "не навреди", регламента мирного изменения границ, которое, несомненно, будет происходить, необходима. В противном случае в политическом дискурсе окончательно утвердится не выражаемое посредством юридически значимых формулировок понятие "государственная несостоятельность" (как вообще определить в данной сфере критерий "состоятельности" государства, кто будет это делать и на каком основании?). Разве сейчас не звучат утверждения некоторых отечественных политологов, что те же Грузия или Украина не состоялись как государства? Фактически это равнозначно легитимизации их раздела и военных конфликтов, которые могут тому сопутствовать.

Во избежание повторения трагедий наподобие Косово важно, чтобы "великие державы", наконец, сломали сложившуюся еще в конце XIX в. традицию использования в собственных интересах противоречий между теми или иными региональными политиками-радикалами. Ибо только скоординированная позиция поддержки умеренных прагматиков, ищущих компромисс, как раз и может способствовать формированию системы долгосрочной безопасности, в чем заинтересованы все. Повторюсь, границы государств еще будут меняться. Поэтому главная стратегическая задача международного сообщества на данном этапе – пусть это прозвучит несколько романтично – добиваться в каждом конкретном случае того, чтобы это происходило мирным путем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Косово. Международные аспекты кризиса. М., 1999.
- Мартинова М.Ю. Этнические меньшинства в Союзной Республике Югославии // Этнические проблемы и политика государств Европы. М., 1998.
- Романенко С.А. Историко-политическая типология кризисов на Балканах в XIX–XX вв. и их роль в международных отношениях // Россия на Балканах. М., 1996.
- Романенко С.А. История и этнонационализм в постсоциалистическом мире: югославский вариант (1980–1990 гг.) // Национализм в мировой истории. М., 2006.
- Романенко С.А. "Неистовая, ожесточенная война за существование". Национальные движения народов Югославии 1941–1945 // Славянский альманах. 2004. М., 2005.

- Романенко С.А.* Югославия, Россия и “славянская идея”. М., 2002.
- Романенко С.А., Маркедонов С.М.* Косово: прецедент или исключение? // Индекс безопасности. 2008. № 1 (84).
- Улуян Ар.А., Кулешов С.Г.* Фактор Косово. М., 2007.
- Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен.* М., 2007.
- Коматина М.* Енвер Хоџа и југословенско-албански односи. Београд, 1995^а.
- Коматина Б.* Југословенско-албански односи 1979–1983. Белешке и сећања амбасадора. Београд, 1995^б.
- Hadri A.* Narodnooslobodilački pokret na Kosovu. 1941–1945. Beograd, 1973.
- Horvat B.* Kosovsko pitanje. Zagreb, 1989.
- Imami P.* Srbi i Albanci kroz vekove. Beograd, 2000.
- Malkolm N.* Kosovo. London, 1998.
- Srpska strana rata. Trauma i katarza u istorijskom pamćenju.* Priredio Nebojsa Popov. Beograd, 1996.

© С. Романенко, 2009